

Классицизмъ и духовная школа ¹⁾.

(Письмо Михаила Никифоровича Каткова къ Высокопреосвященнѣйшему Иоанникию, Митрополиту Московскому).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Я столько положилъ души, усилій и заботъ на установленіе правильныхъ воззрѣній въ учебныхъ вопросахъ, столько поработалъ этому дѣлу, что всякая ошибка въ немъ глубоко и больно потрясаетъ меня. А потому простите меня за мое сердечное сѣтованіе по поводу новаго учебнаго плана Духовныхъ Академій.

Духовныя Академіи имѣютъ своимъ назначеніемъ готовить ученыхъ богослововъ. Но ученымъ въ истинномъ значеніи этого слова можетъ быть только тотъ, кто владѣетъ ключемъ къ источникамъ своего вѣдѣнія. Къ источникамъ же богословскаго вѣдѣнія не можетъ быть прямого доступа безъ основательнаго знанія языковъ вѣтинскаго, римскаго и еврейскаго. Преподаваемые курсы, какъ бы ни были хорошо усвоены слушателями, дадутъ только болѣе или менѣе успѣшныхъ учениковъ, но не учителей, которые могли бы стать въ уровень съ учеными Запада. Ученый богословъ долженъ быть вмѣстѣ и фило[логомъ] какъ по обонмъ классическимъ языкамъ, которые для филолога нераздѣльны, такъ въ известной мѣрѣ и по еврейскому. Только при этомъ условіи на-

¹⁾ Отмѣтимъ, что печатаемое письмо М. Н. Каткова, за промежутокъ истекшихъ 29-ти лѣтъ, ничуть не устарѣло и сдѣлалось даже еще болѣе современнымъ: въ самомъ дѣлѣ, прискорбный Каткову § Устава 1884 года въ Уставѣ 1912 года не только не отмѣненъ, но даже усилень раздѣленіемъ классическихъ языковъ между Академіями (§ 12917). *Ред.*

учное образованіе для богослова будетъ живою силою. Затѣмъ же богословамъ нашей Церкви оставаться въ ученическомъ отношеніи къ ученымъ другихъ исповѣданій, и только черезъ ихъ труды пользоваться первоисточниками? Выучить книгу или прочтенный профессоромъ курсъ—это ученическое дѣло; но обладать ключомъ къ источникамъ, приобрести средства вникать въ самые тексты священныхъ и учительскихъ писаній—вотъ сила ученаго богослова. Замѣняютъ ли эту живую силу профессорскія компіляціи? Можно и безъ науки быть благочестивымъ христіаниномъ и достойнымъ служителемъ алтаря; но если рѣчь идетъ о богословской наукѣ, то первую и главную заботой должно быть сообщеніе учащимся органовъ для болѣе или менѣе глубокаго проникновенія въ источники, а между тѣмъ въ учебномъ планѣ принятомъ для духовныхъ академій не только не усиленъ, что крайне требовалось, филологическій элементъ, но, можно сказать, уничтоженъ. Греческій и латинскій языки разрознены, между тѣмъ какъ онѣ могутъ быть изучаемы въ должной силѣ и съ пользою только параллельно. Учащимся въ Академіи предоставляется выбирать для изученія лишь одинъ изъ классическихъ языковъ: такъ что можетъ выйти, что ученый богословъ Православной Церкви не будетъ должнымъ образомъ освоить съ языкомъ Ея учителей, какъ и самаго Евангелія. Наконецъ духовныя академіи имѣютъ своею задачею готовить не только богослововъ, но и преподавателей для Семинарій. Хороши же будутъ преподаватели древнихъ языковъ, безъ филологической подготовки.

Въ новомъ уставѣ есть впрочемъ параграфъ предоставляющій Святейшему Синоду право измѣнять по усмотрѣнію учебный планъ; а потому можно надѣяться, что въ распределеніи академическихъ занятій будутъ со временемъ внесены перемѣны, и что филологическій элементъ въ нихъ будетъ возстановленъ и усиленъ. Но меня глубоко возмущаетъ слухъ, что и въ самихъ семинаріяхъ будто бы предполагается ослабить изученіе классическихъ языковъ, именно греческаго, и притомъ въ пользу русской словесности. Это было бы роковою, быть можетъ, непоправимою ошибкою. Оба древніе языка и безъ того слишкомъ слабо поставлены въ нашихъ семинаріяхъ, слабѣе чѣмъ въ гимназіяхъ: къ тому

же въ семинаріяхъ они преподаются учителями не получившими высшаго филологическаго образованія. Требовалось бы усилить и усовершенствовать способы преподаванія древнихъ языковъ въ семинаріяхъ; а вмѣсто того эти основныя предметы учебно-воспитательнаго курса въ духовныхъ семинаріяхъ лишаются всякаго серіознаго значенія и будутъ ненужною и суетною прикрасой въ росписи преподаваемыхъ предметовъ. Они не послужатъ ни къ тому столь важному въ педагогическомъ отношеніи сосредоточенію учебныхъ занятій, которое составляетъ главную силу ученія ведущаго къ академическимъ или университетскимъ занятіямъ, ни къ тому чтобы семинаристы могли должнымъ образомъ освоиться съ матеріаломъ и формами языковъ спеціально необходимыхъ для богослова. Если для медика, юриста, математика признается необходимою классическая подготовительная школа; то не требуется ли она сугубо для будущаго богослова, который не можетъ быть самостоятельнымъ ученымъ по своей части безъ пособія классическихъ языковъ? Ослабить греческій языкъ для усиленія русской словесности означало бы только усиленіе пустословія. Нѣтъ надобности заботиться объ упражненіи учащихся въ писаніи сочиненій. Надо воздѣлывать и укрѣплять ихъ умъ серіозными занятіями, а не пріучать къ болтовнѣ безсмысленной и безцѣльной. Когда у учащихся созрѣетъ мысль, она сама найдетъ себѣ должное выраженіе. Но нѣтъ ничего хуже фразерства, которое поддѣлывается подъ мысль и передразниваетъ чувство. Русскимъ же языкомъ и всѣми его средствами учащіеся овладѣютъ всего лучше въ борьбѣ съ классическими языками. Нельзя не замѣнить при этомъ, что безъ должнаго знанія греческаго языка не можетъ быть во всей силѣ понятенъ и самый славянскій языкъ, который въ своемъ синтаксисѣ весь снятъ съ греческаго.

Для приготовленія къ факультетскимъ занятіямъ и въ томъ числѣ къ Богословію въ Германіи требуется пройти девятилѣтній курсъ гимназій, въ которомъ число классныхъ уроковъ въ недѣлю по обоимъ классическимъ языкамъ доходитъ до шестнадцати (10 латинскаго, 6—греческаго). Кромѣ того для будущихъ богослововъ обязательно преподается въ тамошнихъ гимназіяхъ и еврейскій языкъ, безъ знанія котораго нельзя поступить на богословскій факультетъ. Вотъ

какою силою вооружаются для науки будущіе ученые богословы въ инославной странѣ.

Мы обладаемъ благодатію Апостольской Церкви. Не обязаны ли мы отвѣчать на этотъ Божій даръ нашему народу усиленнымъ трудомъ, какъ во всемъ, такъ и въ дѣлѣ науки? Не обязаны ли мы готовить для нашей Церкви борцовъ и учителей сильныхъ наукой, а не фельетонистовъ и нигилистовъ, какихъ въ такомъ изобиліи давали намъ Протасовскія, или вѣрибе, Киселевскія Семинаріи. Великіе Іерархи, богословы и учителя Русской Церкви выходили изъ старой, крѣпкой, Греко-Латинской школы.

Вспомните, Владыко, что и все уважаемое въ нашемъ свѣтскомъ просвѣщеніи выходило изъ этой же школы. Духовное сословіе было у насъ главнымъ разсадникомъ просвѣщенія. За-что же мы будемъ ослаблять, уничтожать и губить учебныя заведенія предназначенныя главнымъ образомъ для дѣтей духовенства?

Умоляю Васъ, сердечно и глубоко чтимый мною Владыко, лучше пріостановиться рѣшеніемъ этого вопроса, если въ немъ окажется что-либо пока неяснымъ и сомнительнымъ. Дидактическіе вопросы,—особая специальность. Малѣйшее уклоненіе въ нихъ можетъ сопровождаться пагубными послѣдствіями.

Еще разъ простите меня, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, за этотъ вопль моей души, и вѣрьте что я не рѣшился бы обращаться къ Вамъ безъ совершенно зрѣлаго убѣжденія.

Поступите, какъ Богъ положитъ Вамъ на сердце; но убѣдительно прошу, высокоуважаемый Архипастырь, въ интересахъ дѣла оставить это письмо между нами, чтобы никому не стало извѣстно о моемъ, какъ скажутъ, непрошеномъ вмѣшательствѣ, что расшевелило бы страсти и могло такъ или иначе повредить дѣлу.

Поручая себя Вашимъ молитвамъ и испрашивая Вашего благословенія

пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнымъ слугою.

М. Катковъ.

Марта 1884 г.

Сообщила С. Н. Фишеръ.